Отдѣла Народ. Образов.
460
По инвентар. кн. № 564
По системат. кат. № 5.XVI/32

МАРТЪ

№ 5 1914 г.

ВОЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

Журналъ научный и общественный.

Выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ.

Издается при участіи Спб. Общества народныхъ университетовъ и Постоянной комиссіи по устройству курсовъ для учителей.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Мѣстный судъ *Е. Коцъ*	1
Какъ образовалась земля. *С. Яковлевъ*	14
Чѣмъ была и чѣмъ стала народная интеллигенція. *Б. Иллеръ*	26
Хроника внутренней жизни. *Е. Кускова*	33
Театры для рабочихъ въ Германіи. *Е. Самуйленко*	42
Новое въ наукѣ и техникѣ *В. К.*	48
Введеніе въ обзоръ современнаго искусства. *Б. Брюлловъ*	52
Смѣсь	57
Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію	58

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ:

Рукописи, доставляемыя въ редакцію, просятъ писать четко и на одной сторонѣ листа.

На обратную пересылку рукописей должны быть приложены марки.

Рукописи, не взятыя авторами въ теченіе полугода, редакція уничтожаетъ.

Редакція оставляетъ за собою право исправлять и сокращать принятыя рукописи, если со стороны авторовъ не будетъ сдѣлано спеціальной оговорки о томъ, что рукопись не подлежитъ измѣненію.

По дѣламъ редакціи редактора можно видѣть въ помѣщеніи редакціи (Кабинетская, 18, кв. 3) по **понедѣльникамъ** и **четвергамъ** отъ 4—6 ч. вечера.

ОТЪ КОНТОРЫ ЖУРНАЛА:

Вниманію подписчиковъ! При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса, при высылкѣ второго взноса (при разсрочкѣ) подписной платы и т. п. **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ, или сообщать № адреса. **При заявленіи о перемѣнѣ адреса** слѣдуетъ прилагать 20 коп. почтовыми марками.

тѣла и становится въ свою очередь центромъ для собиранія вещества туманности.

Удержанію тѣла отъ паденія его въ центръ туманности, по мнѣнію Арреніуса, способствуетъ давленіе свѣтовыхъ лучей, исходящихъ отъ центральнаго тѣла туманности.

Всѣ вновь вступившія въ туманность тѣла увлекаются общимъ вращеніемъ послѣдней. Такъ какъ главная масса туманности вращается въ той плоскости вращенія, которая возникла при первоначальномъ боковомъ ударѣ двухъ столкнувшихся небесныхъ свѣтилъ, то и возникшія и превходящія планеты втягиваются мало-по-малу въ эту главную плоскость, отчего ихъ орбиты, или круги движенія, попадаютъ въ одну плоскость, называемую плоскостью эклиптики. Только тѣ планеты, которыя вступили въ систему позже, уже послѣ исчезновенія туманности, какъ, напримѣръ, Уранъ и Нептунъ, хотя сами и подчинялись общему движенію въ одну сторону въ главной плоскости—эклиптики, по отношенію къ окружающимъ ихъ мелкимъ планетамъ—спутникамъ сохранили власть своего тяготѣнія, въ силу чего движеніе спутниковъ ихъ осталось прежнимъ: не лежитъ въ общей плоскости эклиптики и обратно движенію остальныхъ планетъ.

Такъ, по воззрѣнію Арреніуса, образовалась не только наша солнечная система, но и всѣ скопленія звѣздъ. Послѣднія, остывая, превращаются въ темныя несвѣтящіяся планеты, какъ наша земля, долгое время скитаются по небу въ состояніи покоя, теряя минимальныя количества энергіи и, почти совершенно не теряя матеріи, пока не столкнутся съ какимъ-нибудь другимъ небеснымъ тѣломъ. Изъ гибели ихъ, при происшедшей катастрофѣ, возникаютъ новые міры. *Жизнь даже самыхъ большихъ небесныхъ міровъ кончается смертью, но изъ смерти снова родится жизнь* и это повторяется безъ конца и начала въ безднѣ времени и пространства. Въ небесномъ пространствѣ, казавшемся намъ ранѣе полнымъ гармоніи, въ дѣйствительности царитъ *хаосъ*, и въ этомъ хаосѣ нѣтъ мѣста ни вѣчной смерти, ни вѣчной жизни, а существуетъ лишь одно непрерывное обновленіе.

С. Яковлевъ.

Чѣмъ была и чѣмъ стала народная интеллигенція.

Въ августовской книжкѣ „Русскаго Богатства“ за 1913 г. А. Б. Петрищевъ вновь поднимаетъ малообслѣдованный вопросъ о народной интеллигенціи... „Есть эта особая порода людей, образованіе у коихъ малое, но по стремленіямъ къ высшимъ умственнымъ интересамъ они

стоятъ выше средняго уровня. Выше средняго уровня у нихъ жажда справедливости, чувство чести, готовность самопожертвованія".

А „Вятская Рѣчь" пишетъ... „Въ каждомъ медвѣжьемъ углу народилась теперь такая интеллигенція..., понятная самому народу; къ ней прислушиваются, за ней идутъ".

Откуда же взялась эта народная интеллигенція? Гдѣ ея корни? Какова ея роль въ современной жизни народныхъ низовъ,—вотъ любопытные вопросы, невольно приходящіе на умъ.

Зачатки, первые ростки народной интеллигенціи появились сравнительно давно. Это о нихъ писалъ въ 70-хъ годахъ Гл. Ив. Успенскій: „Тихими, тихими шагами, незамѣтными, почти непостижимыми путями пробирается *мысль* въ самые мертвые углы русской жизни, залегаетъ въ самые неприготовленныя къ ней души. Среди, повидимому, мертвой тишины, въ этомъ кажущемся безмолвіи и снѣ, по песчинкѣ, по кровинкѣ медленно, неслышно перестраивается на новый ладъ, запутанная, забитая и забывшая себя русская душа, а главное перестраивается во имя самой строгой правды".

За послѣднія 30—40 лѣтъ укладъ народной жизни сильно измѣнился. Появились новыя жизненныя явленія, новыя отношенія между людьми, пришелъ капиталъ и все съ нимъ связанное, — и все старое, привычное начало исчезать, замѣняться новымъ, невѣдомымъ. И человѣку труда пришла настоятельная потребность осмыслить эту измѣнившуюся жизнь, найти свое мѣсто въ воцарившейся неразберихѣ,—и пробужденная жизнью мысль усиленно искала выхода, отвѣта на вопросъ: что же теперь дѣлать?

Особенно усиленно пошла эта перестройка жизни низовъ въ 90-хъ гг., и именно въ эти годы начинаетъ складываться народная интеллигенція. Но, не успѣвъ сложиться въ нѣчто цѣлое,—распадается на два отряда, на двѣ вѣтви, подъ воздѣйствіемъ двухъ различныхъ умственныхъ силъ, двухъ различныхъ отвѣтовъ на вопросъ: что дѣлать? Этими силами были: съ одной стороны подпольная работа соціалистической интеллигенціи, съ другой—открытая, легальная работа интеллигентовъ-культурниковъ и воздѣйствіе русской литературы.

И не успѣвши сложиться, распалась народная интеллигенція. Одна часть ея, —главнымъ образомъ, рабочіе,—ушла въ подпольную работу, стала носителемъ и проповѣдникомъ гонимыхъ соціалистическихъ и политическихъ идей. Другая часть,—интеллигенты-одиночки, самоучки, обитатели медвѣжьихъ угловъ, начала другую работу—культурную, работу просвѣщенія, внесенія знанія въ народные низы. Эта часть народной интеллигенціи стремилась, напрягая всѣ свои силы, къ учительству, къ тому, чтобы и самому учиться, и другихъ учить. И поэтому въ 90-хъ и 900-хъ гг. нельзя было говорить объ единой народной интеллигенціи,—она дѣлаетъ

два разныхъ дѣла, идетъ двумя разными дорогами, распадается на два отряда: на политическихъ и классовыхъ борцовъ и на строителей культуры.

Вотъ передъ нами кладбище на городской окраинѣ. Тихо, темно. Лишь вдали, между крестами, мерцаетъ лампада передъ образами часовеньки. На могильныхъ плитахъ, на травѣ нѣсколько рабочихъ—все молодежь, почти мальчики. Въ серединѣ руководитель интеллигентъ.

„Сдержаннымъ, мягкимъ голосомъ, съ глубокой искренней силою разсказывалъ Андрей Ивановичъ о страданіяхъ народа, о долгѣ передъ нимъ, ...о подвигахъ первыхъ борцовъ, о пыткахъ, казняхъ, суровой „каторгѣ". ...„Цѣлое море страданій и слезъ народныхъ. Поэтому нужно отказаться отъ личнаго счастья, нужно всѣмъ пожертвовать, даже своею жизнью—за благо народа",—закончилъ онъ. Торжественно и сурово прозвучали послѣднія слова, и невольно Игнату вспомнились первые дни христіанства.

А послѣ конца бесѣды „Павелъ задержалъ Игната и весь наполненный восторгомъ произнесъ: „Что? здорово? Онъ, братъ, знаетъ, все знаетъ. Эхъ, и какая душа у него". И Игнатъ тоже думаетъ, что у Андрея Ивановича „особенная жизнь. Все такое интересное, продуманное, не то, что у насъ. Даже стыдно за себя становится".

Такими чертами рабочій Бибикъ, авторъ романа къ широкой дорогѣ („Соврем. Міръ" 1912 г., №№ 7—11) рисуетъ намъ типичный кружокъ конца 90-хъ гг.

Изъ этой маленькой картинки можно и должно сдѣлать нѣкоторые выводы о складѣ души сознательнаго рабочаго недавняго прошлаго, а отчасти и настоящаго. Рабочій-интеллигентъ невольно подчинялся руководству интеллигента изъ образованныхъ слоевъ; такой рабочій старался перестроить свою душу, принимая за образецъ душу руководителя. И вотъ вырабатывался типъ рабочаго-аскета, который вѣрилъ, „что нужно отказаться отъ личнаго счастья", „нужно всѣмъ пожертвовать для блага народа".

И недаромъ герою Бибика Игнату вспомнились первые дни христіанства: дѣйствительно, и соціалистъ-рабочій, и соціалистъ-интеллигентъ были во многомъ похожи на христіанскаго мученика первыхъ вѣковъ. Что это было такъ, говоритъ намъ не только художественный вымыселъ—романъ, но и подлинная дѣйствительность—листъ рабочей газеты. „Инокентіемъ звали его широкіе круги товарищей, „*Инокомъ*" звали мы его въ болѣе тѣсномъ кругу. И правда! Въ этомъ пламенномъ политическомъ работникѣ было что-то такое, что дѣлало его похожимъ на человѣка *не отъ міра сего,* на дѣйствительнаго „Инока", *на мученика изъ тѣхъ, чью память хранитъ преданіе*"... „Русскій рабочій классъ, выдви-

нувшій этого славнаго работника, долженъ быть ознакомленъ съ жизнью своего лучшаго представителя".

Здѣсь народный интеллигентъ, ушедшій въ подпольную работу, рисуется намъ, какъ типъ самоотверженнаго мученика-аскета, направившаго всѣ свои силы только въ одну сторону. Такого человѣка часто упрекали въ узости и однобокости, но упрекавшіе забывали, что такъ складывались условія жизни, что *въ этихъ условіяхъ* человѣкъ только такого склада могъ быть стойкимъ выдержаннымъ борцомъ.

Но, если неумѣстны упреки, тѣмъ болѣе ненужна идеализація, не нужно закрывать глазъ и передъ тѣневыми сторонами нашего прошлаго.

Сознательный рабочій, прошедшій нелегальные кружки, выработавшій въ себѣ готовность самопожертвованія и религіозной преданности дѣлу, обычно становился профессіональнымъ партійнымъ работникомъ, т.-е. переставалъ быть рабочимъ. Въ этомъ бы еще бѣда небольшая—и въ Западной Европѣ вожди рабочаго класса бросаютъ физическій трудъ,—бѣда въ томъ, что при условіяхъ нелегальной работы стать профессіоналомъ значило оторваться отъ массы, отъ рабочей среды, значило передѣлать свою рабочую классовую психику на психику одиночки-интеллигента. Такому рабочему часто приходилось мѣнять свои мѣста жительства, и, являясь то тутъ, то тамъ, онъ нигдѣ не могъ пустить прочныхъ корней, не могъ стать своимъ, роднымъ, близкимъ, онъ былъ такимъ же гостемъ въ рабочей казармѣ, въ артельной кухнѣ, какъ и пропагандистъ-интеллигентъ. Онъ могъ быть прекраснымъ политическимъ агитаторомъ, но въ очень малой степени создателемъ рабочей солидарности, строителемъ новыхъ житейскихъ, товарищескихъ отношеній въ рабочей средѣ. Онъ былъ политическимъ и соціалистическимъ пропагандистомъ, но онъ весьма мало помнилъ и заботился о построеніи новой трудовой культуры, новаго крѣпко спаяннаго государства въ государствѣ. Онъ былъ *будителемъ*, а не *строителемъ*.

Это, конечно, не его вина, но намъ все же нужно прямо признать этотъ фактъ.

Если рабочая интеллигенція съ самаго начала ушла преимущественно въ работу политическую, то интеллигенція крестьянская вовлеклась въ эту работу значительно позднѣе. Одиночки и самоучки—деревенскій интеллигентъ черпалъ свою умственную силу, свои нравственные запросы главнымъ образомъ изъ книгъ,—изъ той безцѣнной духовной сокровищницы, которая зовется русской литературой.

Въ № 8 „Сѣверныхъ Записокъ" за 1913 г. г-жа Мезіеръ опубликовала нѣсколько писемъ такихъ деревенскихъ интеллигентовъ-культурниковъ. Вотъ что разсказываетъ одинъ изъ нихъ (мы нѣсколько сокращаемъ). „Я коренной русскій крестьянинъ, отъ роду 36 л. (слѣдовательно, его молодость пришлась именно на конецъ 90-хъ гг.). Учиться у меня была

страшная охота, но въ школу не позволяли ходить родители; оставалось одно средство: читать... Въ 1899 г. я поступилъ служителемъ въ пріемный покой при врачѣ. Служба была невыгодная, 11—13 р. въ мѣсяцъ, но я служилъ, чтобы только имѣть возможность доставать книги и читать ихъ. И вотъ я рѣшилъ помогать народу путемъ просвѣщенія. Сначала я выписывалъ только газеты, журналы и книги, а потомъ досталъ программы и учебники и подготовился самоучкой на званіе учителя... Учебное время занимаюсь въ школѣ, веду народныя чтенія, пробовалъ заниматься со взрослыми. Состою членомъ кредитнаго товарищества и въ потребительныхъ обществахъ. Упомяну о 3 небольшихъ книжкахъ: „Крестьяне-самоучки“ Рубакина, „Митюха учитель“ Дмитріевой и „Разсказы о природѣ“ Зобова. Книжки эти никогда не забудутся мною. Первыя двѣ толкнули меня впередъ, указавъ путь, а главное утвердили во мнѣ увѣренность, что путемъ чтенія многаго можно достигнуть“.

А вотъ сибирскій крестьянинъ, 55 л... „Долго все читалъ разное мракобѣсіе, пока мнѣ случайно не попалось купить 2 тома сочиненій Успенскаго и вотъ, по прочтеніи, онъ открылъ мнѣ глаза на окружающій кругозоръ. Читалъ Толстого, Достоевскаго, Шелгунова, Писарева всѣ 6 томовъ, выписывалъ „Міръ Божій“, „Образованіе“, а въ заключеніе купилъ Горькаго. И послѣ всего перечитаннаго и передуманнаго, на 47 году, сложилось у меня убѣжденіе, что нельзя такъ жить дальше, какъ я живу“... Далѣе онъ разсказываетъ, какъ завелъ себѣ особую тетрадь, въ которую выписывалъ изъ книгъ всѣ понравившіяся ему мѣста—съ цѣлью опредѣлить, что справедливо и что несправедливо. Записывалъ и свои размышленія—„такъ получился мой символъ вѣры“. Къ сожалѣнію, „по независящимъ обстоятельствамъ“ г-жа Мезіеръ не смогла опубликовать этотъ любопытный документъ.

Слишкомъ не сошлись мысли о справедливости и правдѣ старика-крестьянина съ „справедливостью“ нашего строя. И его судьба характерна и для всей культурной части народной интеллигенціи.

Старикъ-крестьянинъ началъ осуществлять въ дни общественнаго подъема свой символъ вѣры, и, какъ всегда, ему пришлось пострадать за эту попытку. Русская литература и русская жизнь привели насадителей культуры къ тѣмъ же выводамъ и къ тому же дѣлу, что и интеллигенцію рабочую. И вотъ въ моментъ общественнаго движенія два пути сходятся, два отряда народной интеллигенціи сливаются въ одну армію борцовъ за переустройство всей современной жизни, ибо всѣмъ стало ясно, „что нельзя такъ жить дальше, какъ я живу“. Въ 905-6 г. народная интеллигенція объединилась въ единомъ усиліи, въ единомъ стремленіи. Обстоятельства оказались сильнѣе, но того, что разъ пробудилось, нельзя усыпить.

Правда, жестоко пострадала народная интеллигенція въ годы тор-

жествующей реакціи. Тысячи и десятки тысячъ томятся и до сихъ поръ въ мрачныхъ склепахъ...

Точно искры, мы гаснемъ въ пути.
Душитъ насъ злой вражды темный дымъ...
Но мы къ правдѣ дорогу найдемъ—
Мы идемъ, непрестанно идемъ...

—такъ писалъ одинъ молодой поэтъ-самоучка. И это правда: „мы", народная интеллигенція, не стоимъ на мѣстѣ, измѣнился только способъ работы, способъ воздѣйствія на жизнь, такъ какъ и сама жизнь измѣнилась. И это сознаютъ всѣ. Каждый понимаетъ, что нельзя просто вычеркнуть весь огромный опытъ послѣднихъ лѣтъ и продолжать такъ же ту же работу, что и восемь лѣтъ тому назадъ. И это прекрасно выразилъ въ своемъ письмѣ къ Горькому старикъ-извозчикъ (Горькій—„Писатели-самоучки", „Совр. Міръ", 1911 г., № 2). „Послѣ славныхъ лѣтъ, когда жизнь наша потрясена со всѣхъ концовъ до глубины, требуется намъ осмотрѣть другъ друга..., что дѣлать дальше съ пользой для всѣхъ". Напряженное строительство новыхъ формъ общественной жизни по независящимъ обстоятельствамъ кончилось. Народная жизнь снова загнана въ тупикъ, но народная мысль не можетъ не работать, не можетъ не дѣлать дѣла. За годы реакціи политическая и экономическая борьба почти что прекратилась. Осталась одна область, которая не была закрыта,— область культурной работы. И масса стихійно пошла по линіи наименьшаго сопротивленія—обозначился огромный культурный сдвигъ, вѣковыя цѣнности подвергались пересмотру и провѣркѣ. Насталъ періодъ исканія новыхъ путей, средствъ, иного способа разрѣшенія общественныхъ задачъ. И въ связи съ этимъ измѣненіемъ жизни идетъ новый типъ народнаго интеллигента. По сравненію съ недавнимъ прошлымъ онъ меньше пропагандистъ и учитель, а больше строитель и организаторъ. Онъ тѣсно связанъ съ жизнью, спаянъ съ массой, и, если народнаго интеллигента 90-хъ гг. можно упрекнуть въ извѣстной книжности, отвлеченности отъ жизни и людской массы, то современному интеллигенту этого упрека сдѣлать совершенно невозможно. Онъ учится всего больше изъ жизни, а не изъ книгъ, хотя это совсѣмъ не значитъ, чтобы онъ не рвался къ книгѣ и знанію. И такого народнаго интеллигента уже не удовлетворяютъ старыя узкія рамки дѣятельности и борьбы. Какъ ни какъ, а общественная арена расширилась. Современный народный интеллигентъ развивался по большей части самостоятельно, а не подъ руководствомъ интеллигента-пропагандиста, и поэтому ему нѣсколько чуждъ и тѣсенъ тотъ душевный складъ, которымъ обладали его старшіе братья въ 90-хъ годахъ. Онъ не аскетъ и полагаетъ, что „аскетизмъ совсѣмъ не присущъ

рабочему классу, какъ таковому", какъ справедливо замѣчаетъ рабочій Калининъ („Новый журналъ для всѣхъ", 1912 г., № 9).

Т. обр., новый типъ народнаго интеллигента не только по способамъ работы, но и по всему душевному складу значительно отличается отъ сознательнаго рабочаго революціоннаго періода; но не въ меньшей степени отличается онъ и отъ культурнаго работника недавняго прошлаго, который бралъ эту культуру сверху и служилъ какъ бы передаточнымъ ремнемъ изъ верхнихъ образованныхъ слоевъ общества въ нижніе. Нѣтъ, онъ не только беретъ и передаетъ готовое, но и самъ является творцомъ новой лучшей трудовой культуры. Но эта трудовая культура не самоцѣль;—вѣрнѣе, это одно изъ многихъ средствъ собиранія, подготовки силъ. Прочтите статью Горькаго „о писателяхъ-самоучкахъ" и вы увидите, какъ послѣ 1905 г. „темные люди" сознали, что одной изъ причинъ крушенія народныхъ надеждъ и упованій было отсутствіе взаимнаго довѣрія и солидарности, а отсюда очередной задачей дня становится построеніе своей новой культуры на началахъ товарищества и уваженія другъ къ другу—это необходимый этапъ по пути къ завѣтной цѣли, это могучее подготовительное оружіе для будущей борьбы.

И результаты этой глубинной работы уже сказались: какъ были поражены общественные верхи, когда по всей Россіи прокатилась волна массовыхъ стачекъ, какъ удивлялись ихъ организованности и планомѣрности.

Очевидно, годы реакціи не прошли даромъ.

И это сознаніе, что идетъ большая работа, придаетъ бодрость и окрашиваетъ собою весь обликъ современнаго народнаго интеллигента. Въ заключеніе мы съ радостью приведемъ здѣсь стихотвореніе одного изъ народныхъ поэтовъ, напечатанное не такъ давно въ рабочей газетѣ и, какъ намъ кажется, прекрасно поясняющее нашу мысль.

Если тьма налегла безпросвѣтная,
Если жизнь безпощадно-сурова—
Пусть въ народѣ растетъ мысль завѣтная
Правды вѣщее слово.
. . . . . .
Подъ завѣтнымъ, испытаннымъ знаменемъ
За работу, товарищи, смѣло.
Вспыхнетъ яркимъ, сверкающимъ пламенемъ
Вслѣдъ за мыслью—и дѣло!

Б. Иллеръ.